

Теперь-то он наконец понял, что означал тот взгляд Бянь Яня вчера вечером.

Нарушение принципов и выход за границы дозволенного — это давит на любого.

В душе Чи Шу забота смешалась с начинающим разгораться гневом. Ему ужасно хотелось сейчас же помчаться в лавку самокруток, чтобы побыть рядом с Бянь Янем, но и дела здесь нельзя было откладывать.

Потому что он дал слово Бянь Яню.

Начальник отдела Дин, глядя на внезапно помрачневшего Чи Шу, был озадачен:

— Ага, а что такого?

Чи Шу отклонил наклонённое вперёд тело, медленно сделал несколько глубоких вдохов:

— Ничего, просто не думал, что у Ли Ао такая смелость.

— Верно? Я тоже был шокирован, когда выяснил, что это он, — начальник отдела Дин взял немного еды. — Обычно же у ребёнка таких дурных привычек не наблюдается, как вдруг влип в эту историю. Мы с учителем Не задавали вопросы раз по десять, прежде чем решились подтвердить, что это он. Хотя, если подумать, конечно: его же сестра работает в лавке самокруток, трудно не втянуться. Вот и говори после этого о семейном воспитании...

— Начальник отдела Дин, — Чи Шу вовремя прервал его, прежде чем тот пустился в очередную страстную речь. — Хочу посоветоваться с вами насчёт одного дела.

Рука начальника отдела Дина, тянувшаяся за едой, замерла, и он с изумлением посмотрел на Чи Шу:

— Какое дело?

Чи Шу улыбнулся и, не колеблясь, сказал:

— Хочу попросить вас об одолжении. Ради меня, смягчите наказание для Ли Ао.

Подготовка планов уроков — самое мучительное дело на свете. Чтобы не допустить ошибок при проверке вышестоящими, каждый учитель должен сначала написать черновик, а затем аккуратно переписать его в журнал планов.

Чи Шу отстал уже на несколько дней. К тому времени, как он всё наверстал, пятый вечерний самоподготов для выпускников уже давно закончился. Он с досадой хлопнул себя по лбу, поспешно собрал вещи и помчался в лавку самокруток.

Шутка ли, сегодня он ждал награды за заслуги, как же он упустит такой срочный момент с Бянь Янем.

Чи Шу сегодня оделся вызывающе: под чёрный пиджак надел рубашку в гонконгском стиле с расстёгнутым воротником и принтом в виде маслянистых хризантем. Тяжеловесность и легкомыслие столкнулись, весь его облик сочетал запретность и долю чувственности.

В этот час ученики уже давно разошлись, близлежащие магазинчики тоже один за другим закрылись, и на всей улице лишь лавка самокруток Бянь Яня ещё светилась.

Дойдя до входа в табачную лавку, Чи Шу не стал сразу заходить, а прислонился к своей машине и постоял в темноте, глядя на этот светящийся посреди всеобщей тьмы магазинчик.

А Бянь Янь был внутри и ждал его.

От этой мысли Чи Шу уже не мог сдержать нетерпения. Он повернул голову к окну машины, поправил волосы и, приведя себя в порядок, уже собрался было сделать шаг, но вдруг резко вернулся.

Уставившись на своё отражение в стекле машины, он расстегнул на рубашке вторую пуговицу.

Затем достал твёрдые духи и нанёс их на шею и в яремную ямку.

Закончив со всем этим, Чи Шу с удовлетворением приподнял бровь и, приняв позу, которую раньше отрабатывал для чётких плеч, вошёл в магазин.

Загремел колокольчик. Чи Шу с самой обольстительной улыбкой распахнул дверь, но не успел выговорить «хозяин Бянь», как его остановила открывшаяся картина.

Он увидел, как Бянь Янь и брат с сестрой из семьи Ли сидят напротив друг друга и что-то живо обсуждают на жестовом языке, а скорость их движений, казалось, превосходила скорость, с какой Какаши в «Наруто» складывал печати.

Когда все трое разом уставились на него, Чи Шу неожиданно почувствовал лёгкий страх, словно зверёк-одиночка случайно забрёл в стаю волков.

Он был чужим и при этом ощущал постоянный страх быть выслеженным и убитым.

Но это длилось лишь несколько секунд. Вскоре Ли Цзюань с улыбкой поднялась ему навстречу, разрушив атмосферу, и, подведя Чи Шу, усадила его на место рядом с Бянь Янем.

Её намерение свести их было очевидно.

— Учитель Чи, что будете пить? — набрала Ли Цзюань.

Чи Шу взмахнул рукой:

— Не беспокойтесь, я... просто зашёл посидеть.

Даже зная истинную цель визита Чи Шу, он всё равно не мог так естественно пойти навстречу, отношения ещё не дошли до такого уровня.

Сказав это, он заметил съёжившегося в углу и плачущего Ли Ао, а также стоящий рядом чемодан.

Чи Шу краешком глаза скользнул по Бянь Яню и небрежно поинтересовался:

— Ой, Ли Ао, что с тобой? Почему плачешь? Завтра же утренняя самоподготовка, если глаза распухнут, что тогда делать?

— Всё... всё в порядке, учитель Чи, — Ли Ао, всхлипывая, вытер слёзы, резко поднялся и поклонился Чи Шу. — Спасибо вам, учитель Чи. Спасибо.

Увидев это, Ли Цзюань поспешно отложила телефон и тоже собралась поклониться.

Чи Шу никак не мог принять такое, быстро встал, поддерживая их, и без остановки твердил:

— Не стоит, не стоит, это ерунда.

— Это и правда ерунда, я же не так уж много помог, главное — ты сам обычно послушный и с хорошей успеваемостью, вот начальник отдела Дин и смягчился, — Чи Шу похлопал Ли Ао по плечу. — Но ты действительно поступил неправильно, когда вернёшься, сам знаешь, какие объяснительные писать и какое наказание тебя ждёт.

Ли Ао глухо пробормотал:

— Я знаю, учитель Чи. Спасибо, учитель Чи.

Услышав слова «наказание», Ли Цзюань тут же запаниковала и поспешно набрала:

— Учитель Чи, а это наказание серьёзное? Не повлияет ли на поступление в университет? Можно ли его аннулировать?

— На этот раз оно временное, с месячным испытательным сроком. Если за время наблюдения не будет нарушений, автоматически снимется, не стоит слишком переживать, — успокоил Чи Шу.

Ли Цзюань быстро закивала, поблагодарила Чи Шу и снова повернулась к Ли Ао, жестикулируя и читая нотацию.

Наблюдая за мелькающими перед глазами пальцами, Чи Шу вновь переосмыслил своё понимание жестового языка.

— Ладно, — Бянь Янь с холодным лицом постучал по столу. — Забирай Ли Ао и иди домой, не говори слишком много, завтра утром ему ещё в школу.

Как только эти слова прозвучали, выражения лиц брата с сестрой из семьи Ли мгновенно изменились. Ли Ао, закусив губу, остался стоять на месте. А Ли Цзюань помолчала немного, но больше ничего не сказала, поблагодарила Чи Шу, подошла, взяла чемодан и, увлекая Ли Ао, вышла наружу.

Чи Шу тоже не стал удерживать. Во-первых, его отношения ещё не позволяли ему вмешиваться, а во-вторых, он мог понять это чувство беспомощной досады от вынужденного нарушения своих принципов и границ.

Хозяин Бянь и так сдерживался очень хорошо, спокойно, по правилам, разобрался со всем, не распыляя свой гнев.

И именно поэтому Чи Шу ещё больше хотел его приласкать.

После ухода брата с сестрой из семьи Ли в магазине остались только они вдвоём.

Чи Шу подошёл, отодвинул стул и, взяв руку Бянь Яня, присел перед ним на корточки:

— Хозяин Бянь, я знаю, что сейчас тебе не нужна компания, но мне тебя жаль, я хочу быть с тобой, можно?

Бянь Янь опустил взгляд на присевшего перед ним Чи Шу, на его лицо, отражающее свет, и невольно затуманил взгляд.

Он вдруг перестал понимать истинные намерения Чи Шу.

— Чи Шу, — Бянь Янь наклонился, протянул руку и щёлкнул его по лбу. — И где ты хочешь со мной быть?

Едва слова были произнесены, как Чи Шу схватил ещё не успевшую отстраниться руку Бянь Яня, прижался щекой к его пальцам, вдохнул аромат, смешанный с теплом его тела, и, поднимаясь, приблизился к лицу Бянь Яня.

Чи Шу склонился над ним, его дыхание коснулось ресниц Бянь Яня:

— Рядом, в сердце — где угодно, лишь бы ты согласился, я могу быть везде.

Мерцающий свет свечи скользнул по векам Чи Шу, и Бянь Янь в его ясных глазах увидел себя, увидел себя погружённым и потерянным.

Все правила были нарушены.

Чи Шу даже не нужно было говорить, одного лишь нахлынувшего аромата было достаточно, чтобы Бянь Янь почувствовал себя, будто выпил бокал Jagermeister с редбуллом, — со стуком распахнувшимся и опьяняющим до беспамятства.

Взгляд Бянь Яня потемнел, он протянул руку, притянул Чи Шу к себе и обнял.

Вес придавил, температуры столкнулись. Оба на мгновение замерли.

Но ведущий всё же мог опомниться быстрее. Бянь Янь, следуя движению, уткнулся носом в волосы Чи Шу, глубоко вдохнул и с усмешкой произнёс:

— Учитель Чи сегодня очень благоухает.

Возможно, действительно слишком долго и слишком много сдерживался, но сегодня Бянь Янь как-то особенно эмоционально вышел из-под контроля.

И что удивительнее всего — ему не хотелось это контролировать, он хотел позволить этому развиваться, позволить этому безумно разрастаться.

Тёплое, то глубокое, то поверхностное дыхание, тихие слова — всё это, казалось, несло в себе мельчайшие электрические разряды, которые сталкивались в волосах, потрескивая и постукивая по коже головы.

Дыхание Чи Шу начало сбиваться и становиться тяжелее, рука, обнимавшая голову Бянь Яня, стала сжиматься сильнее:

— Тогда у хозяина Бяня настроение улучшилось? Можно мне продолжить быть с тобой?

Говоря это, голос Чи Шу неконтролируемо дрожал.

Слишком быстро. Он знал, что это слишком быстро, но не мог сдержаться. Он больше не хотел оставаться с Бянь Янем в состоянии неопределённости, он хотел по-настоящему быть с этим человеком.

Мерцающий свет свечи размывал рассудок, прекрасные картины, видимые сквозь туман зренья, одно лишь предвкушение их было достаточно, чтобы он, не раздумывая, прорвал

клетку разума и погрузился в обитель страсти.

<http://bllate.org/book/15609/1393562>